

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ОБ ОДНОМ «УТРАЧЕННОМ» ГЛАСНОМ В БЕСЕРМЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

0.1. Со дня выхода в свет книги Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970а), наиболее фундаментального исследования в области удмуртской диалектологии, стало почти аксиомой утверждение об отсутствии фонемы (у Т. И. Тепляшиной — звука) *ɛ* в бесермянском наречии. Автор монографии неоднократно подчеркивает отсутствие звука *õ* как главную особенность языка бесермян (Тепляшина 1970а : 163, также 78; 1970б и др.) и, естественно, в книге не дает ни одного случая написания бесермянской формы общеудмуртских слов на фонему *õ* с соответствующим транскрипционным знаком [ɛ]. Полностью солидарен с ней и М. И. Федотов (1982 : 117), носитель бесермянского наречия, в своей публикации образцов бесермянской речи: «В ворцинском говоре бесермянского наречия удмуртского языка 6 гласных фонем (*a, э, o, ъ, y, u*)». Шестигласная бесермянская система фигурирует в последние годы во всех обзорных и сравнительных исследованиях в области удмуртской диалектологии, а также в работах историко-фонетического характера, в которых фактический материал и описание основных особенностей бесермянского наречия заимствованы, как правило, непосредственно из работы Т. И. Тепляшиной или, в крайнем случае, через вторые-третьи руки восходят к ней (Кельмаков 1975 : 266; 1981 : 203; 1986 : 36; 1987а : 113; 1987б : 36; Насибуллин 1977 : 74, 76—77; Csúcs 1985 : 202—203; 1990 : 16 и др.). Одним из самых свежих примеров завораживающего воздействия книги «Язык бесермян» является статья Б. Ш. Загуляевой «Вихманн как исследователь удмуртских диалектов», где она пишет: «В «Образцах удмуртской речи» Ю. Вихманна (1893 : 116—121, 167—169; 1901 : 51—52, 161—186) отразились следующие бесермянские языковые явления: ... 3) отсутствие гласного *õ*, свойственного другим удмуртским диалектам, и замену его гласным *э* или *ъ*: *жал'эз эй вал* «не было жаль», *эт'ънъ* «пригласить», *кэн'а* «сколько», *ъжът* «мало»...» (1991 : 56).

Между тем эти же публикации Ю. Вихманна при внимательном и непредвзятом чтении должны насторожить исследователей относительно того, действительно ли «звук» *ɛ* совершенно чужд бесермянской речи: финский ученый столетие тому назад в бесермянском селе Ежево (ныне Юкаменский район Удмуртской АССР), наряду со случаями субституции общеудм. *ɛ* другими гласными (*e, î*), записал определенное количество слов с сохранением *ɛ* (в транскрипции Вихманна *ɛ*): *berđi-* (WSpb. II 167, 181) 'плакать' — лит. *bõrдыны*; *berĩšaz* (WSpb. II 165) 'за ним, вслед за ним' — лит. *bõрсяз*; *deđ-* (WSpb. II 167, 174) 'сани' — лит. *dõды*; *džek(-)* (WSpb. II 165, 166, 167, 180) 'стол' — лит.

жѡк; *es-* (WSpb. II 166) 'дверь' — лит. *õs*; *jel-* (WSpb. II 177) 'молоко' — лит. *йõл*; *keļi-* (WSpb. I 119; II 173) 'ночевать, провести ночь' — лит. *кõлыны*; *keṭ* (WSpb. II 178) 'живот' — лит. *кõт*, *pera-* (WSpb. I 168; II 173) 'стряпать, готовить' — лит. *пõраны*, *peś(-)* (WSpb. II 177, 182) 'жар(а); жаркий, горячий' — лит. *пõсь*, *peštī-* (WSpb. II 167, 177) 'варить' — лит. *пõзтыны*, *šed(-)* (WSpb. I, 116, 118; II 177, 181) 'черный, грязный' — лит. *сьõд*, *šeļi~seļi(-)* (WSpb. II 173) 'труп' — лит. *шõй*, *tēl(-)* (WSpb. II 164, 166) 'ветер' — лит. *тõл*, *tšēž-* (WSpb. I 120) 'дикая утка' — лит. *йõж* 'утка', *veļi* (WSpb. II 182) 'масло' — лит. *вõй*, *vešāškī-* (WSpb. II 162) 'молиться' — лит. *вõсяськыны*, *zeḱ* (WSpb. II 165, 173) 'большой, старший' — лит. *зõк* 'толстый', сев. *zeḱ* 'большой, старший' и др.

Помимо этого, Ю. Вихманном зафиксировано употребление *ē* (*e*) (1) в таких словах удмуртского языка, которые в большинстве других диалектов имеют иные гласные: *keļkaṭ* (WSpb. II 177) 'дичь' — лит. *кыйкай*, G *kīļi-kaṭ* 'дикое животное, дичь', *kīļi-kaṭ-papa* 'дикая неизвестная птица' (WW 86—87); *keḷa-* (WSpb. II 162) ~ *kela-* (WSpb. II 177, 180) 'проводить, проводить' — лит. *келяны*; G U *kelāni*, M J *kelāni* (WW 97); *tabere(-)* (WSpb. I 117, 119) ~ *tabere* (WSpb. I 117; II 162, 182), *tabīre-* (WSpb. II 177) и др. 'теперь, сейчас' — лит. *табере*; G M J MU *ta-berē* и др. (WW 17); *tēže* (WSpb. II 182) 'метет, подметает' — лит. *йужыны* 'мести, подметать'; G *tšuzīni*, S *tšuzīni*, M *tšuzīni*, *tšuzni*, MU *tšuzīni*,¹ U *tšuzīni* (WW 277) и др.; а также (2) в заимствованиях из соседних языков, где оригинал не мог содержать гласную фонему *õ* (*e*): *jantšēḱ* (WSpb. II 180) 'кисет денежный, кошелек' < тат. *янчык* 'мешок, мешочек; мошна; кисет'; *акча янчыгы* 'кошелек'; *pejaska(-)* (WSpb. II 177, 180) 'пояс, поясок' < рус. *пояс(ок)* и др.

0.2. Когда появилась необходимость и возможность рекогносцировочного обследования отдельных бесермянских говоров на современном этапе их развития, отнюдь не случайно в качестве базового населенного пункта для работы одной из подгрупп студентов филологического факультета Удмуртского государственного университета в период их летней полевой практики по удмуртской диалектологии было выбрано село Ежево. Группа из 10 студентов II курса удмуртского отделения под руководством доцента кафедры удмуртского и финно-угорского языкознания В. К. Кельмакова и при участии ассистента кафедры уралолистики Печского университета им. Я. Паннониуса (Венгрия) А. Добо в течение 9 дней обследовала говор бесермян в с. Ежево — бес. *ježgurt* (Е), в д. Шамардан — бес. *šamardan* (Ш) и д. Усть-Лем — бес. *šedban* (УЛ). За это время собран значительный материал по всем уровням языковой системы, который представляет несомненный интерес для специалистов в области удмуртской диалектологии, в особенности по вопросу о судьбе праудм. **õ* в бесермянском диалекте.

0.3.1. Как известно, регулярным продолжателем праудм. **õ* выступает в большинстве современных диалектов фонема *õ*, реализующаяся в северном наречии, южном диалекте, срединных и буйско-таныпском говорах в неогубленном варианте (*e*) и в большинстве периферийно-южных (за исключением буйско-таныпского и канлинского) — огубленном (*õ*), в канлинском на месте **õ* функционирует *o* (см. Кельмаков 1975 : 265—266; Насибуллин 1977 : 74—76).

0.3.2. В бесермянском же наречии, по данным Т. И. Тепляшиной, фонема *ö* ни в одном из вариантов не употребляется, она исчезла, слившись с некоторыми другими гласными, и поэтому в качестве исторического субститута праудм. **ö* выступают следующие гласные:

1) в абсолютном большинстве случаев — *e*, например: *vej* 'масло' (< праудм. **vöj* > лит. *võj*; сев., сред., южн. *vej* (*vej*); кукм., шошм., бавл., татш. *vöj*, круф. *βöj*; канл. *vöj*), *kes* 'сухой' (< праудм. **kös* > лит. *kõs*; сев., сред., южн. *kēs*; кукм., шошм., бавл., татш. *kös*, круф. *kōš*; канл. *kos*) и др. — в соответствующем разделе Т. И. Тепляшина (1970а : 76—77) приводит 80 примеров;

2) в дюжине слов — *o*: *polən* 'среди, внутри' (< праудм. **pöln* > лит. *pölyn*; сев., сред. *pel̃n*, южн. *pel̃n*, *pel̃ān*, *pol̃n*, *pol̃ān*; кукм. *pol̃ān*, круф. *pōl̃ān*; канл. *pol̃in*), *bord^onə* 'плакать' (< праудм. **börd^ö* > лит. *börd^ony*; сев. *berd̃iñi*, сред. *berd̃iñi*, *berd̃ni*, южн. *berd̃iñi*, *berd̃ānā*, кукм. *börd̃ānā*, шошм. *börd̃iñi*; круф. *börd̃ānā*; канл. *börd̃iñi*) и др. (Тепляшина 1970а : 67, 77—78);

3) в двух словах — неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда *ə* (-*ä*): *məj* 'старый; старик' (< праудм. **möj̃* > лит. *möj̃y* 'пожилой'; сев., сред. *mej̃* (*mej̃*), южн. *mej̃i* (*mej̃ä*); кукм. *mōj̃ä*, бавл. *mōj̃i*, круф. *mōj̃ä*; канл. *mōj̃i*) и др. (Тепляшина 1970а : 78).

Кроме того, судя по приведенному в книге лексическому материалу, наблюдается альтернативное — в различных ли говорах, в речи разных лиц на одной и той же территории или одного и того же человека, в книге на этот счет нет указаний — употребление *o* ~ *e*: *bon* (с. 67) ~ *bet* (с. 76) 'небольшая копна сена' (лит. *bõm*), *bor̃na* (с. 67) ~ *ber̃na* (с. 76) 'ковш (ящик над мельничным жерновом)' (лит. *bõrnē*), *bord^onə* (с. 67) ~ *berd^onə* (с. 76) 'плакать' (лит. *börd^ony*), *boks^onə* (с. 67) ~ *beks^onə* (с. 76) 'мычать, блеять' (лит. *bõks^ony*), *jol* (с. 61) ~ *jel* (с. 77) 'молоко' (лит. *jõl*), *lom* (с. 60) ~ *lem* (с. 128) 'черемуха (ягода)' (лит. *lyõm*) и др.

1.0. Материалы полевой практики 1991 года дают несколько иной расклад репрезентантов **ö* в современном бесермянском говоре ежевско-шамарданского куста.

1.1. Вопреки мнению Т. И. Тепляшиной (1970а : 78, 163—164 и др.; 1970б), во всех трех обследованных населенных пунктах зафиксирован гласный *e*, в частности в следующих словах (для справки здесь и далее в квадратных скобках даны формы, извлеченные из книги «Язык бесермян»):

čelä Ш 'мизинец' [*čelə* (77)] — лит. *čöлы*; кукм. *čölä*, *čöl-*: *čölčihä* (*čihä* 'палец'); татш. *čöл'äi*, бавл. *čöл'ы*, канл. *чол'ы*, сев. *чэл'ы* ~ *чөл'ы* (Канл. вокч. 75); МУ *tšöl̃i*, У *tšel̃i* (WW 283) < **čöl̃i*;

je Е Ш 'лед; ледяной' [*je* (77), *je-*: *jegu* 'ледник' (69)] — лит. *jõ*; кукм. *đö*; круф. *žö*^o (Набл. 115); МУ *d'v*, У *d'e*, G *je* (WW 75) < **jö*;

jel Е 'молоко' [*jol* (61), *jel* (77)] — лит. *jõl*; кукм. *đöl*; шошм. *đ'ö'j*, татш. *žö'л*, канл. *žол*, круф. *žö'л* (Канл. вок. 76); круф. *žö'л* (Набл. 115); В *jel*, МУ *d'ny*, У *d'el*, G *jel* (WW 76) < **jöl*;

jenä Е 'осот полевой' [*jenə* (77)] — лит. *jõны*; кукм. *đönä*; татш. *žö'ny*, канл. *žоны* (Канл. вок. 75); МУ *d'oni-*, G *jeñi* (WW. 76) < **jöñi*;

keļ E 'глист(а)' [*kel* (77)] — лит. *көл*; канл. *кол* (Канл. вок. 76); JI *köl*, U *keļ* (WW 102) < **köl*;

ķem E 'скорлупа; кожа; шелуха, очистки' [*ķem* (77, 61)] — лит. *кём*; кукм. *kōm*; круф. *kōm* 'чешуя (рыбы), скорлупа (яйца), кожа' (Набл. 120); MU *kōm*, U G *ķem* (WW 120) < **kōm*;

ķeš E 'горький, невкусный, неприятный на вкус, терпкий' [*ķeš* (77), *kes* (134)] — лит. *кёш*; кукм. *kōš*; MU *kōš*, G U *ķeš* (WW 103) < *kōš*;

ķešketāt III 'страшный, ужасный' [*ķešket* 'чрезвычайно, чрезмерно, очень' (77), *ķešketalom* 'будем бояться' (257)] — лит. *кёшкеманы* 'бояться, пугаться (темноты, невидимых сил)'; кукм. *kōšķēmanā*; круф. *kōšķēmanā* 'скучать, тосковать' (Набл. 121); MU *kōšķētānī* 'бояться, скучать', U *ķešketānī* то же (WW 103) < **kōšķēma(l)*-;

lēdānā III 'теребить шерсть, готовить шерсть для шерстобитки' — лит. *лёдыны*; кукм. *lōdānā* < **lōdī*-;

lepķātānā III 'приподнять из воды', *leptānā* III 'всплыть; подняться (о тесте)' [*leptānō* 'всплыть, подняться' (77)] — лит. *лөптыны*; кукм. *lōptānā* 'воодушевиться, вдохновиться'; круф. *lōntzānā* 'всплыть; подняться (о тесте); обрадоваться' (Набл. 126); MU *lōpķitīnī* 'irroitaa, lösen, losmachen', U G *leptīnī* 'подняться (о тесте)' (G), 'очень обрадоваться' (U) (WW 145) < **lōptī*-;

meled III 'тошнота (от переедания необычной пищи)', *meled luānā* III 'почувствовать тошноту' — лит. *мёлэд* 'тошнота' < (?) **mōled*;

meļ III 'роса, после которой картофельная ботва чернеет и сохнет' — лит. *моль* 'нектар, медвяная роса; падь'; U G *meļ* 'медвяная роса; Honigttau (eine Pflanzenkrankheit)' (U), 'Brand im Getreide' (G) (WW 159); S J *mēļ* 'ржавчина на хлѣбѣ' (Ms 598/II — 7b) < **mōļ*;

ņekā III 'сметана, сливки' [*nekā* (77)] — лит. *нёкы*; кукм. *nōkā* 'каймак'; круф. *nōkōi* 'сливки, сметана' (Набл. 129); MU *nōkī* 'сметана', U G *ņekī* 'kerma, Sahne, Rahm' (U), 'сметана' (G) (WW 169) < **nōkī*;

ņež III 'влажный, гибкий (о пруте, вице)' — лит. *нёзь* 'упругий, гибкий, эластичный; влажный, волглый' < (?) **nōž*;

pertmašķānā III 'привидеться, явиться (о привидениях)' — лит. *пёртмаськыны* 'рядиться, скоморошничать; являться (о приведениях)'; кукм. *pōrmašķānā* 'рядиться, переодеваться; привидеться, явиться (о приведениях)'; U G *pertmašķīnī* 'spuken' (U G), 'in einer anderen Gestalt erscheinen' (G) (WW 194) < **pōr*-;

pertem III УЛ 'различный, разнообразный' [*portem-portem* (67)] — лит. *пёртэм*; кукм. *pōrtem*; MU *pōrtem*, G *pertem* (WW 194) < **pōr*- (см. *pertmašķānā*);

serānā 'разбить; испортить' [*serānō* (77)] — лит. *сёрыны*; кукм. *sōrānā*; круф. *šōrānā* 'разбить, сломать' (Набл. 148); MU *sōrīnī*, U G *serīnī* (WW 221) < **sōrī*-;

šem III 'вкус' [*šem* 'вкус' (77), *šom* 'закуска' (60), *šemžēnō* 'закуситься' (122), *šemtīd* 'ты попробовала' (267)] — лит. *шём*; кукм. *šōm* 'вкус, закуска'; MU *šōm* 'вкус', U G *šem* 'привкус' (G), 'дрожжи, гуцца' (U) (WW 245) < **šōm*;

vēt E 'сон, сновидение' [*votānō* 'видеть во сне' (215)] — лит. *вёт*; кукм., шошм., бавл. *vōt*; MU *vōt*, U G *vēt* (WW 316) < **vōt*;

veļānā E 'строгать' [? *veļē* 'делянка' (273)] — лит. *вёлыны*; кукм.

vólānā; круф. *βō'лэнъ* (Набл. 110); MU *vōuini*, U G *vēlīnī* (WW 315) < **vōli-*.

1.2. Свыше десятка корней записано с гласным *e* в пределах первого слога корня:

ben Е Ш УЛ 'да, же, ведь' — лит. *бен*; кукм. *bon, bo*, шошм. *ben*; круф. *бэн* 'да, же' (Набл. 108) < **bōn*;

čeltānā Ш 'мочить, вымокать (коноплю, мочало)' — лит. *чōлтыны*; кукм. *čōltānā*, MU *tšōuṭini*, U G *tšēltīnī* (WW 283) < **čōlti-*;

edā Ш 'сила' [*edō* (77), *edōjaški* 'сильно двинулся (я) по инерции' (256)] — лит. *ōды*; G *edī* 'сила, мощь' (WW 53) < **ōdi-*;

eskānā Ш 'блевать, рвать' — лит. *ōскыны*; кукм. *ōsānā*; круф. *ō'шкэнъ* (Набл. 131); MU *ōsini*, U G *eskīnī* (WW 54) < **ōski-*;

ger-; *kūaž gepate* УЛ 'метет, пуржит' [*ger* (76, 99) и *gor* (106) буран, метель, выюга'] — шошм. *gōp*; MU *gōp*, G *ger*, (WW 56) < **gōp*;

ger УЛ 'иней', *gertemān* Е 'заиндеVELO, покрыто инеем' — лит. *gōp*; кукм. *gōr*; MU *gōr*, U *ger* (WW. 57) < **gōr*;

ječikānā Е 'касаться, прикасаться, коснуться, прикоснуться, задеть' [*jettonō* 'попадать (в цель)' (77)] — лит. *йōтыны* 'трогать, задеть'; кукм. *dečānā*; круф. *žō'тэнъ* (Набл. 116); MU *d'etīnī* (WW 76) < **jōti-*;

kekā 'колыбель, зыбка, люлька' [*kəke* 'зыбка, люлька (из лубка)' (61, 77) — лит. *kōкы*; кукм. *kōkā*; MU *kōkī*, U G *kekī* (WW 101) < **kōkī*;

keña Е 'сколько', *no'keña* Ш 'нисколько' [*keña* (77), *keña ke* 'сколько-то, сколько-нибудь' (205)] лит. *kōня*; кукм. *kōña*; круф. *kō'н'ä* (Набл. 121); В *keña*, MU *kō'ña*, *kōña*, U G *ke'ña* (WW 126) < **kōña*;

lem Е Ш УЛ 'черемуха (ягода)' [*lem* (60), *lom* (128)] — лит. *льōм*; кукм., шошм., бавл. *lōm*; круф. *л'ōм* (Набл. 125); MU *lōm*, U G *lēm*, M *lem* (WW 151) < **lōm*;

setem-: *setempiñ* Е 'резец' (*piñ* 'зуб') [*setem*, *šetem* 'некрасивый' (110)] — лит. *шōтэм* 'некрасивый, гадкий, безобразный'; кукм. *šōtem*; U G *šetem* (WW 246) < **šōtem*;

settānā, *settānā* Е 'отыскать, находить' (*sedōnō* 'попасть, попасться' (134), *sedtōmtēzō* 'они не нашли' (262), *šede* 'находится, попадается' (269, 271)] — лит. *шедьтыны* 'найти, отыскать, разыскать, подыскать', *шедьыны* 'попасть, попасться; найтись, отыскаться'; кукм. *settānā* 'найти, отыскать', *šōdānā* 'застревать, зацепиться'; татш. *шō'ттэнъ*; шошм. *шэ'тыны*, бавл. *шэттыны*, бт. *шōттыны*, канл. *шō'тыны* 'найти, сыскать, подыскать, отыскать, разыскать' (Канл. вок. 75); круф. *шэттэнъ* (Набл. 149); В *šed-*, U *šedīnī*, G *šedīnī*, *šedīnī*, В *šetī-*, U *šetīnī*, G *šetīnī*, *šetī-* (WW 244) < **šōdi-*;

šej Ш 'труп, падаль' [*šej* (77, 257)] — лит. *шōй*; круф. *шō'й* (Набл. 148); В *šej*, G *šej*, *sei*, J *šōj* (WW 245) < *šōj*;

veš Е 'моление, жертвоприношение', *vešaškāli:zā* Е 'они молились' [*vešaškōlize* (278)] — лит. *вōсь*; кукм. *vōs*; круф. *βō'с'* (Набл. 110); MU *vōš*, U G *veš* (WW 315) < **vōs*;

žek Е 'стол' [*žek* (77, 131, 149, 162), *žek* (266)] — лит. *жōк*; кукм. *žōk*; круф. *žō'кβōl* (Набл. 115); В *džek*, MU *džōk*, U *žek*, G *džek*, *džek* (WW 42) < **žōk*;

1.3. В единичных случаях субститутом праудм. **o* выступает гласный *ə* (в транскрипции Т. И. Тепляшиной — *o*):

čəžə Ш 'молозиво' [*težə* (143)] — лит. *čõжы*; кукм. *čõži, tõži* < **čõžī*;
mājə Е 'старый, пожилой; старший' [*məj* 'старый' (78, 178), *məj* или *məjə* (116), *məjos* 'старухи' (257)] — лит. *mõйы*; кукм. *mõjə*; бес.

мойə, татш. *mõййи*, бавл. *mõйы*; круф. *mõй* (Канл. вок. 75); круф. *mõййи* (Набл. 127); У *məjī, meī, G məjī* (WW 159) < **mõjī*;

n̄əl Ш 'стрела (оружие)' [*n̄ol* 'стрела, лук' (61)] — лит. *ньөл*; J *n̄əц* 'стрела' (WW 176) < < **n̄ól*;

n̄əm Ш 'повод, причина' [*n̄em* (61)] — лит. *ньём* < **n̄óm*;

t̄ərnanə Ш 'распухать, пухнуть' — лит. *t̄örnаны*; кукм. *t̄örnənə*; МУ *t̄örnənī*; G *ternənī* (WW 260) < **t̄ørna(l)-*;

1.4. С гласным *o* на месте праудмуртского **o* зафиксированы следующие слова:

mola Ш 'грудь' [*mela* (123), *mələjəš* 'из груди' (158), ? *mol* 'грудные мышцы птиц' (77)] — лит. *mõля*; кукм. *mõla* < **mõla*;

pola Е Ш 'большой палец' [*pele* (77)] — лит. *põлы*; кукм. *põlə*; шошм. *põлы*, татш. *põлйи*, канл. *полы* (Канл. вок. 75); МУ *p̄əцi*, У *peļi* (WW 194) < **põlī*;

poštənə Ш 'порваться, износиться' [*poštəne* (78), *pešte* 'лопается' (275)] — лит. *põсьтыны*; кукм. *poštənə*, круф. *пoc''тəнə* (Набл. 133); МУ *poštīni*, У *poštīnī*, G *peštīnī* (WW 205) < **põštī-*;

šonžənə Ш 'дрябнуть; вянуть, завясть' — лит. *шензыны, шензианы* 'завянуть, одрябнуть; стать трухлявым; никнуть, поникнуть'; кукм. *šonžənə*; G *šəndžīnī* (WW 246) < *šonžī-* ~ **šonžə(l)-*.

1.5. Помимо перечисленных слов с однозначным соответствием общеудм. *e* (< праудм. **o*) гласных *e, e, o* или *ə* в говоре одного или нескольких из обследованных населенных пунктов, в материалах экспедиции представлено большое количество случаев с перебоями в употреблении вышеназванных гласных на месте общеудм. *e* (*o*). Совокупность этих случаев может быть разбита на следующие шесть типов:

1.5.1. *e* ~ *e* (18 слов):

berəš Ш 'потом, затем, после, впоследствии' ~ *bersə* Е 'вслед за (кем-либо)' [*bers'e* 'подряд' (76), *klever berse* 'после клевера' (250), *boreš veralo* 'потом расскажу' (251)] — лит. *bõрысь*; В *beršəz* (WW 18) 'вслед за ним', G *beriš, beriš* и др., J *böriš* (WW 17) < **bör-*;

deđ: *deđ šul* Ш 'полоз саней' ~ *deđ* Е 'сани' [*deđə* (77), *deđə, deđ* (81), *deđi* (209)] — лит. *dõдьы*; кукм. *dõđə*; татш. *dõ'д'йи*, бавл. *dod'ы*, канл. *dod'ы* (Канл. вок. 75); круф. *dõ'žə* (Набл. 113); В *deđ, deđe* 'на сани'; *deđen* 'с санями, на санях', МУ *dõđ'ł* 'сани', У *deđ'ł, G deđi* (WW 32) < **dõđi*;

ej Ш 'я не...', *ej va-lalla* Ш 'я не понимала' ~ *ej* Ш 'я не...' [*ej* (78)] — лит. *õй*; кукм. шошм., бавл., татш. *oj*; В *eī, MU oī, U G eī* (WW 291) < **oj*;

es Ш ~ *es* Е Ш УЛ 'дверь', *es kuton* Е 'скоба двери, дверная ручка' [*es* (77, 148)] — лит. *õс*; кукм., шошм., бавл. *õs*; татш. *õ'с*, канл. *oc* (Канл. вок. 75); круф. *õ'ш* (Набл. 131); В *es, MU õs, U G es* (WW 54) < **õs*;

ke Е Ш УЛ ~ *ke* Е 'жернов' [*ke* (76)] — лит. *kõ*; кукм. *kò*; шошм., бавл., татш. *kõ*, канл. *ko* (Канл. вок. 75); МУ *kõ*, U G *ke* (WW 101) < **kò*;

kej Е Ш УЛ ~ *kej* Е 'сало' [*kej* 'жир, сало' (61, 77, 116)] — лит. *kõj*; кукм. *kòj*; круф. *kõ'j* 'жир, сало' (Набл. 121); МУ *kõj*, U G *kej* (WW 101) < **kòj*;

kelānā Е ~ *kelānā* Е 'ночевать, провести ночь' [*kelanə* 'ночевать, спать' (77), *kele* 'спи, ночуй' (61)] — лит. *kõлыны* 'ночевать, спать'; кукм. *kòlānā* 'ночевать, провести ночь'; круф. *kõ'ләнә* (Набл. 121); В *kelīnī*, МУ *kõynī*, *kõyīnī*, U G *kelīnī* (WW 102) < **kòlī*;

kes Е Ш УЛ, *kes* Е ~ *kes* Е 'сухой', *kesek* Е 'бледный' [*kes* 'сухо, сухой' (63, 77, 150)] — лит. *kõs*; кукм., шошм., бавл. *kòs*; татш. *kõ°c*, канл. *kos* (Канл. вок. 74); круф. *kõ°ш* (Набл. 121); МУ *kõs*, U G *kes* (WW 102) < **kòs*;

ket-: *ketpus* Е 'внутренности, нутро' ~ *-ket*: *pātket* Е 'икры ног, икроножные мышцы' [*kət* 'живот' (60), *ket(-)* 'живот; желудок' (77, 267)] — лит. *kõt* 'живот, брюхо; желудок'; кукм., шошм., бавл. *kòt*; татш. *kõ°t*, канл. *kot* (Канл. вок. 75); круф. *kõ°t* (Набл. 121); МУ *kõt*, U G *ket* (WW 103) < **kòt*;

peš-: *pešturun* Е 'перец' (*turun* 'трава, сено') ~ *peš* Ш 'горячий, жаркий' [*peš* 'жара, зной' (77), 'горячий' (60), *pež-*: *pežvu* 'кипяток, горячая вода' (77)] — лит. *põсь*; кукм., бавл., шошм. *pòs*; круф. *põ°c*' (Набл. 133); В *peš*, МУ *pòš*, U G *peš* (WW 195) < **pòs*;

peštānā Ш 'варить, сварить', *pežānā* Ш 'кипеть, вариться' ~ *pešte* Е 'варит, кипятит' [*pež°nə* 'вариться, кипеть' (77), *pešt°nə* 'варить, кипятить' (113)] — лит. *põзьтыны*; кукм. *pòštānā*; круф. *põ°c*'тэм (*чарчэ*) 'вареная (репа)', *põ°з*'тәнэ 'варить' (Набл. 133); В *pešt-*, МУ *pòštīnī*, U G *peštīnī* (WW 195) < **pòžī-*, **pòžtī-*;

pež Е Ш УЛ ~ *pež* Е 'рукавицы, варежки' [*pež* (77)] — лит. *põзь*, *põзьы*; кукм. *pòžā*; круф. *põ°з*' (Набл. 133); МУ *pòž*, JI *pòžl*, G *pež* (WW 195) < **pòžī*;

šed-: *šedvalbāž* Е 'чернобыльник' ~ *šed* Е 'черный' [*šed* 'черный, темный' (77), *šedbəž* 'горностай' (111)] — лит. *сьод* 'черный, темный; грязный'; кукм., шошм., бавл. *sòd*; круф. *c'õ°d* (Набл. 138); В *šed*, МУ *sòd*, U G *šed* (WW 232) < **sòd*;

teđā-: *teđāektiz* Ш 'он побледнел' ~ *tejdā* Е, *teđā* УЛ 'белый; бледный' [еж.-шам. куст *keđə* ~ юнд. *teđə*, *tejdə* 'белый' (57), *keđə* (61), *teđə* (77), *tejdə* (178), *tejdəliš no tejdə* 'очень белый' (180), *keđi*, *keđə* (181)] — лит. *tõды*; кукм. *tòđā*, шошм. *tòđī*; МУ *tòđ'ī*, G *teđī*, U *teđ'* (WW 259) < **tòđī*;

tel Е Ш УЛ 'ветер', *telžike* Ш 'дует ветер; ветрено' ~ *tel* Е 'ветер' [*tel* (59), *tel°nə* 'веять, провеять' (77)] — лит. *tõл*; кукм., бавл. *tòl*, татш. *tòl*, круф. *tõ°l* (Набл. 140); В *tel*, МУ *tõл*, *tòl*, U G *tel* (WW 259) < **tòl*;

vej Е Ш УЛ, *veej* Е ~ *vej* Е 'масло' [*vej* (64, 76, 116, 171, 267), *vejano* 'помазать маслом' (116)] — лит. *võj*; кукм., шошм., бавл. *vòj*; татш. *võ'j*, канл. *voj* (Канл. вок. 74); круф. *βõ'j* (Набл. 110); В *vej*, МУ *võj*, U G *vej* (WW 314) < **vòj*;

veldānā Е Ш УЛ 'стелить, расстилать; распространять' ~ *veldāli-zā* Е 'они стелили' [*veldānə* 'расстилать', *velčəknə* 'распространиться, расшириться' (76)] — лит. *völdyny*; кукм. *völdānā*; круф. *βō'ldənъ* (Набл. 110); МУ *vōūdinī*, U G *veldīnī* (WW 315) < **völdi*;

zek Е Ш УЛ ~ *zek* Е 'большой, великий' [*zek* (77, 176, 178, 181), *zekez* (*piez*) 'старший (его сын)' (109)] — лит. *zōk* 'толстый; полный'; кукм. *zōk*; круф. *жōк* (Набл. 114); В G *zek* 'большой; старый', МУ *zōk*, U *zek* 'толстый' (WW 330) < **zōk*;

1.5.2. *ę* ~ *ā* (два слова):

keļā Е ~ *kālā* Ш 'галька; гравий, щебень'; *šiīkālā* Е 'глазное яблоко (букв. глазная галька)' [*keļə* (77, 128)] — лит. *kōlby*; кукм. *kōļā*; круф. *кō'л'āi* (Набл. 121); J *kōļi*, U G *keļi* (WW 102) < **kōļi*;

kežzā Е ~ *kāžzā* Е 'горох, горошина' [*kezə* (61, 135), *kežə* (77, 111, 272)] — лит. *kōžы*; кукм. *kōžzā*; шощм., бавл. *кō'жы*, татш., круф. *кō'жāi*, канл. *кожы* (Канл. вок. 74); круф. *кō'жъ* (Набл. 120); МУ *kōžī*, U *kežī*, G *kežī*, M *kežī* (WW 104) < **kōžī* (**кō'жы* — Насибуллин 1977: 74).

1.5.3. *ę* ~ *o* (1 слово):

peškā Е Ш УЛ ~ *poškā* Ш, *počkā* Е 'чирь, фурункул' [*peškə* (77)] — лит. *pōськы*; кукм. *poškā*; шощм., бавл. *pōськы* (по-видимому, точнее: шощм. *pō'ськы*, бавл. *pō'ськы* — В. К.), татш. *поськъ*, канл. *поськы* (Канл. вок. 75); круф. *пoc'къ* (Набл. 133); U *poškī*, G *peškī* (WW. 205) < **pōskī*);

1.5.4. *ę* ~ *e* ~ *o* (6 слов):

evel Е Ш ~ *evel* Ш, *evel* Е 'нет, не имеется, не', *eveñ* Е 'нет уже, уже не стало' ~ *ovāl* 'нет, не имеется, не' [*evel* (77, 267), *evel* (261), *ivel* (265, 266), *eveñ* (77, 251, 260)] — лит. *ōvōl*; кукм. *evol*, *ovol*; татш. *евāl*, шощм. *ebū*, бавл. *ōvōl*; В *evel*, МУ *ovūц*, *ebūц*, U *evel*, G *evel*, *evel*, *eveñ* (WW 54—55) < **ōvōl*;

pejanā Е Ш УЛ ~ *pejanā* Ш ~ *pojanā* Е 'обмануть, провести' [*pejanə* (77, 115)] — лит. *pōяны*; G *pejanī* WW 193) < **pōja* (l)-;

pela-zā Е 'среди них', *pelān* Е УЛ 'в, среди' ~ *pelān* Е ~ *polān* Е Ш 'в, среди' [*polən* (78), *polaz* (67), *šed polaz* 'в суп' (273)] — лит. *pōлын*; кукм. *polān*; круф. *pō'l'ən* (Набл. 133); МУ *pōwīn*, G *pelīš* 'среди, из' (WW 194) < **pōl-*;

šer-: *šerās* Ш 'из-за (откуда?)' ~ *šer-*: *šerpalaз* Ш 'за (где?)', *šerjos* Е 'посторонние, чужие' ~ *šor-*: *šorās* УЛ 'из-за (откуда?)' [*šer* 'чужой' (60, 77), *šeraz* 'с собой' (112)] — лит. *сьōрын* 'за (где?)'; кукм. *šōrān*; круф. *с'ō'р'ən* (Набл. 138); В *šerīn*, МУ *šōrīn*, U G *šerīn* (WW 232) < **šōr-*;

tež Е, *čež* Ш УЛ ~ *tež*, *čež* Е ~ *čož* Ш 'утка' [*tež* (77), *težpi* 'утенок' (143), *težano* 'охотиться на диких уток' (142—143)] — лит. *čōж*; кукм. *čōž*, *tōž*; круф. *чō'ж* (Набл. 145); В *tšež*, МУ *tšōž*, *tšōž*, U *tšež*, G *tšež*, *tšež* (WW 273) < **čōž*;

veš Е Ш УЛ ~ *veš* Е ~ *voš* Е 'больно, боль', *voš ez ka'rāle* Е 'они не обижали, не причиняли боли', *voš lue* Е 'становится больно' [*veš*, *beš* (60, 76—77, 150, 263)] — лит. *vōсь*; кукм. *voš*; круф. *воc'* (Набл. 110); МУ *vōš*, G *veš*, J *voš* (WW 315) < **vōš*.

1.5.5. $e \sim e \sim \text{ä}$ (два слова):

čeltaz Е 'он стреножил', *čeltaj* Ш 'я стреножил' \sim *čeltanä* Ш 'стреножить (коня)' \sim *šältaj* Е 'я стреножил' [*čeltanø* (114), *šeltanø* 'стреножить лошадь', *čeltaš^ok^onø* 'запнуться, запутаться (в чем-либо)' (114)] — лит. *сьолтаны*; кукм. *čöltanä*; крyf. *čö^oltanъ* (Набл. 145); У *tšeltänj*, G *šeltänj*, JI *šöltänj* (WW 232) < *čölta(l)*- \sim *šölta(l)*-;

ežät Е \sim *ežät* Ш \sim *äžät* Е 'мало, немного' [*ežot* (77), *ežot*, *ežet* 'немного, частично, лишь несколько' (211)] — лит. *өжыт*; кукм. *äžät*; крyf. *эжэт* (Набл. 150); В *ižit*, МУ *öžit*, *öžot*, *öžet*, У *ižit*, *ižet*, G *ežet*, *ižit* (WW 55) < **öžit*.

1.5.6. $e \sim o$ (одно слово):

jeskač Е 'как следует, вдоволь' \sim *jos*, *joskač* Е 'аккуратно' [*jeskač* 'аккуратно, как следует' (77, 107), *joskač pukšol^onø* 'как следует садиться' (256)] — лит. *йос-*: *йоскадь* 'как следует, аккуратно; красиво, замечательно' (*кадь* 'как, словно, подобно'), *йоспöртэм* 'странно; особенно, особо, своеобразно; странный; особенный, особый, своеобразный' (*пöртэм* 'различный, разнообразный; отличающийся, особенный'); сев. (д. Кляпово Глазовского района Удм. АССР, д. Ванялуд Кезского района Удм. АССР) *joskač* 'как следует', (д. Коршуново Базинского района Удм. АССР) *jeskač* 'хороший, красивый' < **jös-* (< **jöz-*).

1.6. Приведенные выше сведения о рефлексии праудм. **ö* в говоре бесермян ежевско-шамарданского куста для большей наглядности могут быть представлены на следующей схеме.

	→ <i>е</i>	20
	→ <i>e</i>	15
	→ <i>ä</i>	5
	→ <i>o</i>	4
* <i>ö</i>	→ <i>e</i> \sim <i>e</i>	18
	→ <i>e</i> \sim <i>ä</i>	2
	→ <i>e</i> \sim <i>o</i>	1
	→ <i>e</i> \sim <i>e</i> \sim <i>o</i>	6
	→ <i>e</i> \sim <i>e</i> \sim <i>ä</i>	2
	→ <i>e</i> \sim <i>o</i>	1

Эти данные нужно рассматривать как предварительные по следующим причинам: 1) экспедиция имела лишь рекогносцировочный характер, перед ней, естественно, не ставилась цель проверить сохранность в говоре и фонемную структуру всего состава удмуртской лексики с праудм. **ö*, поэтому приведенный список является лишь некоторой частью общеудмуртской лексики с *е* (*ö*), вольно или невольно оказавшейся в материалах экспедиции; 2) из предыдущего вытекает и то, что количество информантов, за произношением которых велось наблюдение, для различных слов оказалось не одинаковым: произношение одних слов было записано во всех трех населенных пунктах и у нескольких информантов, у вторых, напротив, в одной лишь деревне и, возможно, у одного информанта, третья группа слов, естественно, в различных комбинациях вариантов располагается между этими двумя полюсами; 3) в записи студентов — при всем их и моем старании — могли вкратиться некоторые ошибки и неточности (в особенности в сторону фиксации наличия *е*), обусловленные особенностями их родного говора (почти все являются носителями *е*-диалектов), давлением норм литературного языка на их письменную речь, отсутствием опыта и т. д. И выводы, которые могут быть сделаны на их основе, также носят строго предварительный характер.

1.6.1. В глаза бросается поразительное многообразие современных репрезентантов праудм. **ö* в бесермянском говоре, начиная с одиночного представительства (в виде *ε*, *e*, *o*, *ä*) и кончая различными комбинациями их альтернативных связей, многообразие, не характерное ни для одного из остальных диалектов.

1.6.2. Среди одиночных репрезентантов ведущими являются *ε* (27% от общего количества рассмотренных слов) и *e* (20,5%), среди альтернативных — *ε* ~ *e* (24,3%), на долю же остальных (одиночных и альтернативных) представителей падает немногим более 28%.

1.6.3. Наиболее редким одиночным репрезентантом праудм. **ö* является гласный *o* (6 случаев — свыше 8%). Судя по этим материалам, трудно определить, насколько правдоподобно чисто умозрительное, как нам кажется, предположение Р. Ш. Насибуллина (1977 : 76—77) о том, что «... в отдельных говорах бесермянского наречия началось изменение праудм. **ö* в *э*, а в других — в *o*, причем в одних говорах рефлексы праудм. **ö* с *o*-овой огласовкой охватывают минимальное количество слов, а в других — намного больше». Ни по материалам книги «Язык бесермян», ни по статье Р. Ш. Насибуллина (1977) невозможно определить, где расположен тот бесермянский говор (если он вообще существует), в котором **ö* субституировался бы преимущественно гласным *o*, но по приведенным здесь материалам можно сказать — не на обследованной летом 1991 года территории.

1.6.4. Трудно согласиться с утверждением Т. И. Тепляшиной о том, что в бесермянском диалекте (полностью) отсутствует *ö* (ср. например: «Отсутствие звука *ö* в языке бесермян является одной из основных характерных черт их вокализма» — 1970а : 78; также 1970а : 163; 1970б; и др.). По крайней мере, в говорах ежевско-шамарданского куста он зафиксирован летней экспедицией 1991 года, как и столетие назад — Ю. Вихманном в том же самом с. Ежево (см. 0.1), а в 1954 году — Т. И. Тепляшиной (1962 : 288) в д. Гурзи бывш. Карсовайского р-на Удмуртской АССР (напр. *pečti* (3 раза) 'маленький', *berdösa* 'плача, в слезах, со слезами', *zək* 'большой').

1.6.5. Фонематический статус гласного *ε* в говоре обследованных деревень весьма сомнителен, о чем свидетельствуют следующие факторы: 1) из приведенных 74 возможных случаев употребления он в качестве одиночного репрезентанта **ö* зафиксирован лишь в 20 словах (27%), в остальных же замещен либо другими гласными — *e*, *ä*, *o* или их альтернативой (25 слов — 33,7%), либо находится в свободной альтернативе с последними (29 слов — 39,2%); причем эти списки не закрыты не только в том смысле, что они могут быть продолжены при включении в программу обследования бесермянского говора новых (общее) удмуртских слов с *ε*, но и в том, что если бы проверкой произношения слов с гласным *ε* было охвачено большее количество информантов-бесермян во всех трех населенных пунктах, нежели это имело место на практике, то количество слов третьей группы существенно бы возросло за счет уменьшения первой; 2) фонологическая оппозиция *ε* : *e* (именно *e* является наиболее вероятным наследником дефонологизирующегося *ε* в бесермянском наречии) в квазиомонимах типа *kε* 'жернов': *ke* 'если', *kej* 'сало': *kej* 'моль' и др., устойчиво сохраняемая почти во всех остальных диалектах, в данном бесермянском говоре частично нейтрализована в пользу *e*. Впрочем, этот вопрос требует дополнительного исследования.

2. Однако рассмотренный материал уже на данном этапе позволяет, по моему мнению, несколько иначе представить историю фонемы *ε* (< **ö*) в бесермянском наречии. По крайней мере, он отнюдь не под-

тверждает гипотезу о падении *ɛ* в бесермянском диалекте под влиянием «какого-то», «иноязычного», «тюркского» («древнебулгарского», «древнечувашского» и т. п.) субстрата, упорно отстаиваемую Т. И. Тепляшиной: «Отсутствие звука *ö* в языке бесермян является одной из основных характерных черт их вокализма. Этот гласный *ö*, встречающийся во всех современных диалектах пермских языков (в виде *ɛ* или *ö*), восходит к общепермскому языку-основе (**o* или **ǫ*). Утрата *ö* в языке бесермян не поддается объяснению внутренними законами развития системы гласных пермских языков. По-видимому, мы здесь имеем дело с влиянием какого-то субстрата» (1970а: 78). «Отсутствие звука *ö* является главной особенностью языка бесермян... Утрата *ö* в языке бесермян не поддается объяснению внутренними законами развития вокализма пермских языков, поэтому — учитывая и другие особенности языка бесермян — невольно возникает мысль о субстратном происхождении языка бесермян: какой-то (по-видимому, тюркоязычный) народ, в языке которого не было данного гласного, в далеком прошлом усвоил удмуртский язык» (1970а: 163—164). «Рассмотренные три фонетические особенности (т. е. (1) *ö* > *e*; (2) *š* > *s* и *ž* > *z*; (3) *č* > *š* и *ǰ* > *ž* — В. К.) объяснимы влиянием тюркского субстрата (по-видимому, древнебулгарского)» (1970а: 165). «Характерные черты языка бесермян (автор среди них называет и «а) отсутствие своеобразного звука *ɛ*, ср. *vej* в м. удм. *vej* 'масло', *ke* в м. *ke* 'жернов' — В. К.) не объяснимы историей развития пермских языков; они объяснимы только иноязычным (тюркским) субстратом. Анализ древних языковых признаков и комплекс специфичных данных этнографии, фольклора, антропологии, а также сохраняющиеся до сих пор самоназвание и сознание самих бесермян о принадлежности их к особой этнической группе позволяют считать бесермян народностью тюркского, вернее, болгарского (древнечувашского) происхождения» (1970б). «Язык бесермян подтверждает их болгарское (древнечувашское) происхождение... Надо полагать, бесермяне являются потомками той части древнебулгарского населения, которая приняла ислам... Эта часть болгарского населения, назвавшаяся бесермянами и исповедывавшая мусульманство, попала в сферу удмуртского влияния и постепенно усвоила древнеудмуртский язык...» (1970а: 244). «Своими некоторыми чертами современный бесермянский диалект сближается с южноудмуртскими говорами, что доказывает усвоение бесермянами удмуртского языка на территории Нижнего Прикамья...» (1970а: 242). И т. д.

Автором гипотезы, к сожалению, подробно не расшифрован конкретный механизм воздействия субстрата на бесермянский диалект в направлении утраты последним фонемы *ɛ*, однако из рассуждений ее высвечиваются следующие положения:

- 1) утрата звука *ɛ* — важнейшая особенность бесермянского наречия, которая резко выделяет его на фоне всех остальных удмуртских (геср. пермских) диалектов;
- 2) это явление в других пермских диалектах не встречается и поэтому не поддается объяснению закономерностями развития вокализма пермских языков;
- 3) падение *ɛ* в бесермянском наречии было обусловлено субстратным влиянием «какого-то» «тюркского» («древнебулгарского», «древнечувашского») языка, в вокалической системе которого не было гласного *ɛ*;
- 4) усвоение древними тюркоязычными предками бесермян «древнеудмуртского» языка (следовательно и утрата бесермянским диалектом фонемы *ɛ*) произошло, естественно, «в далеком прошлом» на территории Нижнего Прикамья.

2.1. Не касаясь общих проблем субстратного/несубстратного происхождения языка бесермян, остановлюсь на вышеперечисленных тезисах лишь в той мере, в какой они связаны с историей фонемы *ε* в бесермянском наречии.

2.1.1. Как свидетельствуют бесермянские формы с *ε*, репрезентирующим праудм. **ó* (см. 1.1, 1.5.1 — 1.5.5), едва ли можно говорить об отсутствии звука *ε* в бесермянском наречии, по крайней мере в ежевско-шамарданском его говоре, хотя фонематический статус его требует дополнительного исследования (см. 1.6.5).

2.1.2. Частичное или полное (в зависимости от конкретного говора) замещение *ε* другими гласными (чаще всего *e*, *o*, *ä*), имеющее место и в бесермянском диалекте, как свидетельствует современная диалектология, отнюдь не является уникальным, специфическим бесермянским феноменом; оно в той или иной степени интенсивности встречается во всех удмуртских говорах, хотя фонематичность *ε* в них сохранена (см. также Кельмаков 1975 : 265). Так, в говорах граховских удмуртов (д. Нижние Юраши) в определенном количестве слов на месте праудм. **ó* употребляется *e* (*э*) (*нэкъ* ~ лит. *но́кы* 'сметана', *сэм* ~ лит. *сьо́м* 'рыбья чешуя', *тэд'э* ~ лит. *то́ды* 'белый', *йэ* ~ лит. *йо́* 'лед', *йэнь* ~ лит. *йо́ны* 'осот', *сэд* ~ лит. *сьо́д* 'черный, грязный', *чэл'э* ~ лит. *чо́лы* 'мизинец', *сэр* ~ лит. *сьо́р* 'чужой; за (чем-либо)' и др.) или *o* (д. Старая Игра: *по́скы* ~ лит. *по́скы* 'чирь, фурункул; стриж', *по́стын* ~ лит. *по́стыны* 'износиться', *по́лын* ~ лит. *по́лын* 'в (где)' среди, внутри' и др.) (Атаманов 1981 : 47). Аналогичные примеры можно привести в большом или малом количестве по всем диалектам. Правда, в значительно меньшей степени, чем в бесермянском наречии, но все же представлена в диалектах и субституция **ó* гласным *i* (*ä*), выразившаяся в виде междиалектной корреспонденции *ε* (*ó*) — *i* (*ä*): G U *bęksinī* — G *bīksinī* 'blöken, brüllen (Kuh, G auch Ochs)' (WW 20) 'блеять, мычать'; бес. *ežät* E ~ *ežät* Ш ~ *äžät* E 'мало, немного'; *žžit* (WSpb. II 165, 166, 167), *žžitgine* 'ein wenig' (WSpb. II 165, 166), 'немного'; B U G *žžit*, U *žžet* 'wenig, ein wenig' (WW. 55); кукм. *äžät* — G *ežet*, S M *ežt*, J *ožit*, MU *ožit*, *ožöt*, *ožet* (WW 55); лит. *о́жыт*; S *letsakä* 'расходится (о дымке, тумане)' — *litsakä* (Ms 598/II — 3) и др. В одном из диалектов — канлинском — фонема *ε* полностью вышла из употребления в результате регулярного замещения ее фонемой *o*, например: *ко́жы* (лит. *кóжы*) 'горох', *во́й* (лит. *во́й*) 'масло', *ко́т* (лит. *кóт*) 'живот' и т. д. — всего около 250 слов (Насибуллин 1977 : 74—76).

Однако в лингвистической литературе никогда не ставился вопрос о «тюркском» («древне)булгарском», «древнечувашском») субстратном влиянии ни на большинство удмуртских диалектов, где имеет место спорадическое замещение *ε* другими гласными (теми же *e*, *o*, *i* (*ä*), что и в бесермянском), ни на канлинский говор, где *ε* полностью вытеснен гласным *o*. Поскольку бесермянское наречие — не единственный из пермских (удмуртских) диалектов, «утративших» фонему *ε*, а также и сам «бесермянский» процесс замены *ε* гласными *e*, *o*, *ä* имеет несомненную параллель в других удмуртских диалектах, не имеющих булгарского субстрата, то и сам процесс замещения общеудм. *ε* в бесермянском наречии другими гласными едва ли правомерно квалифицировать как явление, противоречащее внутренним законам развития вокализма удмуртского языка, и искать его истоки в гипотетическом (древне)булгарском субстрате.

2.1.3. К тому же трудно найти в обозримом наукой прошлом такой тюркский язык (явившийся субстратом для бесермянского наречия), вокализм которого был бы лишен фонемы **ö*, аналогичной праудм. **ö* (> бес. *ę*, *e*, *o*, *ä*). Насколько мне известно, постулирование огубленной гласной фонемы переднего ряда среднего подъема **ö* (и **õ*) для пратюркского вокализма является общим местом многих историко-фонетических исследований алтаистов (напр., Ряснен 1955 : 82—84; Щербак 1970 : 76; СИГТЯФон. 65 и др.). «Полуширокий огубленный гласный переднего ряда» *ö* предполагается и для болгарского языка средневожского периода его развития (вспомним тезис Т. И. Тепляшиной (1970а : 242) об усвоении бесермянами удмуртского языка на территории Нижнего Прикамья) на основе эпитафических памятников XIII—XIV вв. как *p*-языковой группы, например: *ölti* 'он умер', *jöri* 'дружинник', *kön* ~ *kün* 'день' (Хакимзянов 1978 : 56, 80, 83), так и *z*-языковой группы, напр.: *öksüzlär* 'сироты', *özäge* 'его сердцевина, центр', *tört* ~ *törüt* 'четыре', *könel* 'сердце; душа', *körke* 'его красота', *kör-* 'видеть' и др. (Хакимзянов 1987 : 43—44, 76). Да и типологически невозможно себе представить такой (древне)тюркский язык, обладающий, как правило, развитой гармонией гласных, в вокализме которого при наличии базисного гласного *o* отсутствовала бы его сингармоническая параллель *ö*.

2.1.4. Если даже принять гипотезу Т. И. Тепляшиной о тюркских (болгарских) предках бесермян, в языке которых не было *ö* и которые по этой причине при переходе «в далеком прошлом» (1970а : 164) на «древнеудмуртский язык» (1970а : 244) были вынуждены элиминировать удмуртский гласный **ö*, то было бы весьма непросто объяснить сохранение гласного *ę* (< **ö*) в бесермянском наречии — по крайней мере отдельных его говорах — вплоть до наших дней. Невозможно предполагать и секундарное его появление в относительно позднее время под влиянием северноудмуртских диалектов (оно частично имеет место, но не в таких масштабах) или школьного преподавания (оно началось очень поздно), так как, во-первых, этот гласный зафиксирован в настоящее время в речи не только образованной молодежи, но и мало- или совершенно неграмотных людей, большей частью женщин — носителей архаики как в традициях, так и в языке; во-вторых, этот гласный отмечен Ю. Вихманном еще в конце прошлого века (см. 0.1) и, в-третьих, он спорадически появляется и в тех словах, в которых не зафиксирован ни в одном из известных мне диалектов: бес. *žet* E Ш ~ *žät* УЛ 'вечер; вечером; вечерний' [*žet*, *žet* (131, 132)] — лит. *žyt*, кукм. *žät*, шошм. *žit*; круф. *žvt* (Набл. 117); В *džit*, *džit*, G *džit*, MU *džit*, *džit*, S *džit*, M J *džit*, U *žit* 'вечер' (WW 42) < **žit*; бес. *sep* E 'желчь; желчный пузырь' [*sep* 'желчь' (82), *šep* 'желчный пузырь' (275)] — лит. *sən*; кукм., шошм. *sep*; U *šep*, G *sep* (WW 219) < **sep*; бес. *šeres* Ш ~ *šāres* E ~ *šures* Ш УЛ 'дорога, путь' [*šeres* (148, 151), *šereso dērem* 'полосатая рубаха' (181)] — лит. *šupes*; кукм. *šāres*, *šūres*, шошм. *šūres*; кркм. *šures*, *šāres*, *šures* (Кркм. гов. 28, 33); бес. *čърэс*, бавл. *čърэс*, *čурэс*, татш., круф. *čърэс*, бт. *čырэс*, *чурэс*, канл. *чырэс* (Канл. вок. 67); круф. *c'ърэш* (Набл. 138); В *šřres*, MU U *šures*] (WW 240) < **šures*; бес. *-šezā*: *nārsēzā* Ш 'носовой хрящ' (*nār* 'нос') — лит. *сузы* 'дресва'; кукм. *sūzā*; бес. *cъзэ*, татш. *cъзэ*, бт., канл. *сызы* (Канл. вок. 69) < **sūz* (см. также данные Ю. Вихманна — 0.1) и др.

3. Тенденция к падению праудмуртских огубленных гласных (передне-) среднего ряда **ö* и **ü*, в зародышевом виде содержавшаяся уже, по-

видимому, в недрах праудмуртской системы гласных (Кельмаков 1975 : 268), в случае с **o* в разных диалектах нашла различное проявление: (1) в наиболее архаичных периферийно-южных говорах она сохранила не только фонемную функцию, но и антропофонические свойства (в чем справедливо видят, помимо прочих причин, также и консервирующее архаизмы влияние татарского вокализма на систему гласных удмуртских диалектов — ср. Тараканов 1958 : 279; Кельмаков 1974 : 59; 1975 : 269); (2) в других — в абсолютном большинстве диалектов (северное наречие, срединные говоры, южный диалект, буйско-таныпский говор) — сохранение фонемной функции сопровождалось ее делабиализацией; причем и в той, и другой группе диалектов наблюдается спорадическое замещение ее другими гласными (*e*, *ɛ* (*ə*), *o*), (3) предел последней тенденции представлен в канлинском говоре, где фонема **o* полностью субституирована гласным *o*. В отношении развития фонемы **o* бесермянское наречие представляет собой весьма уместное звено в этой цепи удмуртских диалектов, расположенное где-то поблизости к канлинскому говору. В свете вышеизложенного «отсутствие» гласного *ɛ* в бесермянском наречии едва ли может быть квалифицировано в качестве одного из аргументов в пользу гипотезы о «древнебулгарском» и т. п. происхождении его носителей.

Сокращения

бавл. — бавлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка; **бес.** — бесермянское наречие удмуртского языка; **бт.** — буйско-таныпский (закамский) говор удмуртского языка; **еж-шам. куст.** — ежевско-шамарданский говор бесермянского наречия; **канл.** — канлинский говор удмуртского языка; **кркм.** — кырымасский говор южного диалекта; **круф.** — красноуфимский говор периферийно-южного диалекта; **кукм.** — кукморский говор периферийно-южного диалекта; **лит.** — литературный удмуртский язык; **сев.** — северное наречие удмуртского языка; **сред.** — срединные говоры удмуртского языка; **татш.** — татышлинский говор периферийно-южного диалекта; **шошм.** — шошминский говор периферийно-южного диалекта; **южн.** — южный диалект удмуртского языка; **юнд.** — юндинский говор бесермянского наречия; **В** — бесермянское наречие (WW); **G** — глазовский диалект (WW); **J** — елабужский диалект (WW и Ms 598/I—II); **Jl** — елабужский диалект в (рукописном словаре Ислентьева) (WW); **M** — малмыжский диалект (WW); **S** — сарапульский диалект (WW и Ms 598/I—II); **U** — уфимский диалект (WW и Ms 598/I—II); **Канл. вок.** — Насибуллин 1977; **Кркм. гов.** — В. К. Кельмаков, Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия I. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов. Ижевск 1977, с. 26—61; **Набл.** — Р. Ш. Насибуллин, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Сборник статей и материалов, Ижевск 1978, с. 86—151; **СИГТЯФон.** — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика, Москва, «Наука», 1984; **MS 598/I—II** — В. Munkácsi, Votják, szógyűjtés I—II. Poss. MTAК 237/1953; **WSpb. I** — Wichmann 1893; **WSpb. II** — Wichmann 1901; **WW** — Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Y. Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen, Helsinki 1987.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г. 1981, Граховские говоры южноудмуртского наречия. — Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи, Ижевск, 45—96.
 Загуляева Б. Ш. 1991, Вихманн как исследователь удмуртских диалектов. — Пермистика 2. Вихманн и пермская филология, Ижевск, 53—59.
 Кельмаков В. К. 1974, Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка. — Советская тюркология, № 3, 52—60.
 — 1975, Судьба праудмуртского огубленного *o* в современных диалектах. — СФУ XI, 259—270.
 — 1981, Праудмуртская система гласных — CIFU IV, 3, 202—207.
 — 1986, Удмуртско-русские языковые контакты и развитие фонетической системы удмуртского языка. — Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка, Устинов, 32—45.

- 1987а, Язык бесермян в системе удмуртских диалектов. — XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Т. I. Языкознание, Устинов, 113—115.
- 1987б, К вопросу о диалектном членении удмуртского языка. — Пермистика. Вопросы диалектологии и истории пермских языков, Ижевск, 26—51.
- Насибуллин Р. Ш. 1977, О некоторых особенностях вокализма канлинского говора. — Вопросы удмуртской диалектологии, Ижевск, 62—84.
- Рясянен М. 1955, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва.
- Тараканов И. В. 1958, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Рукоп. канд. дисс., Тарту.
- Тепляшина Т. И. 1962, Удмуртский язык. Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободский диалект. Тыловый диалект. Шошминский диалект. — Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха, Москва — Ленинград, 282—304.
- 1970а, Язык бесермян, Москва.
- 1970б, Язык бесермян. К проблеме происхождения бесермян. — СIFU III, 1, 128.
- Федотов М. И. 1982, Ворцинский говор бесермянского наречия. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 116—130.
- Хакимзянов Ф. С. 1978, Язык эпитафий волжских булгар, Москва.
- 1987, Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык, Москва.
- Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград.
- Csúcs, S. 1985, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Wotjakischen. — *Dialectologia Uralica: Materialien des ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.—7. September 1984 in Hamburg, Wiesbaden*, 201—208.
- 1990, *Chrestomathia Votiatica*, Budapest.
- Wichmann, Y. 1893, *Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche, Helsingfors*.
- 1901, *Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen, Helsingfors*.

V. K. KEL'MAKOV (Iževsk)

ÜBER EINEN GESCHWUNDENEN VOKAL IM BESSERMÄNISCHEN DIALEKT DER UDMURTISCHEN SPRACHE

Nach dem Erscheinen des Buches von T. I. Tepljašina über das Bessermänische («Язык бесермян», Москва 1970) wurde die Meinung zu einem Axiom, daß im Bessermänischen der Vokal ξ fehlt, obwohl es in früheren Textbelegen von Y. Wichmann (1893; 1901) und auch von T. I. Tepljašina (1962) selbst fixiert worden war. Dessen Schwund aus dem Vokalsystem wird von T. I. Tepljašina als einzigartige Erscheinung des Bessermänischen, die den übrigen permischen Dialekten fremd ist, charakterisiert. Deshalb glaubt sie, darin eines der wichtigsten Argumente für die Hypothese über «türkisches» (altbulgarisches) Substrat im Bessermänischen entdeckt zu haben.

Die Errungenschaften der modernen udmurtischen Dialektologie und die Belege der Sommerexpedition 1991 zu den Bessermänen des Jukamensker Bezirkes (Udmurtische ASSR) lassen andere Schlußfolgerungen zu: 1) in der Mundart der drei untersuchten Ortschaften (Ježevo, Samardan, Ust'-Lem) ist der Vokal ξ bis heute erhalten geblieben, in dem er mitunter von den Vokalen e , \hat{a} und o ersetzt wird oder mit diesen in eine alternative Beziehung tritt; seine phonologische Interpretation muß natürlich zusätzlich erforscht werden; 2) der sporadische Wechsel des Phonems ξ (\hat{o}) durch andere wie e , i (\hat{a}) oder o läßt sich gewissermaßen in allen Mundarten beobachten, wobei er in der Kanly-Mundart völlig vom Vokal o verdrängt worden ist, so daß das Bessermänische in dieser Hinsicht ein organisches Glied in der Kette udmurtischer Dialekte darstellt; 3) in grauer Vorzeit wird sich kaum eine (alt)türkische Sprache finden lassen, in deren Vokalsystem das Vokal * \hat{o} gefehlt hätte und unter deren Einfluß es zum Ausfall des ähnlichen Vokals * \hat{o} auch in der udmurtischen Rede des Bessermänischen gekommen wäre.

Aus dem Gesagten gelangte der Autor zu der Ansicht, daß der Schwund des Vokals ξ im Bessermänischen der udmurtischen Sprache nicht von der türkischen Herkunft seiner Träger zeugen kann.